

Лейкин Николай Александрович

В гостях у турок

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
В гостях у турок / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга по Требованию,
2022. – 586 с.

ISBN 978-5-519-92947-9

ISBN 978-5-519-92947-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВЪ ГОСТЯХЪ У ТУРОКЪ.

I.

Скорый поѣздъ только что вышелъ изъ-подъ обширнаго, крытаго стекломъ желѣзно-дорожнаго двора въ Буда-Пештѣ и понесся на югъ, къ сербской границѣ.

Въ вагонѣ перваго класса, въ отдѣльномъ купѣ, изрядно уже засоренномъ спичками, окурками папирсъ и апельсинными корками, сидѣли не старый еще, довольно полный мужчина съ русой подстриженной бородой и молодая женщина, недурная собой, съ красивымъ еще бюстомъ, но тоже ужъ начинающая рыхлѣть и раздаваться въ ширину. Мужчина одѣтъ въ сѣрую пиджачную парочку съ дорожной сумкой черезъ плечо и въ черной барашковой скуфейкѣ на головѣ, дама въ шерстяномъ верблюжьего цвѣта платьѣ съ необычайными буфами на рукавахъ и въ фетровой шляпѣ съ стоячими крылышками какихъ-то пичужекъ. Они сидѣли одни въ купѣ, сидѣли другъ противъ друга на диванахъ и оба

имѣли на диванахъ по пуховой подушкѣ въ бѣлыхъ наволочкахъ. По этимъ подушкамъ, каждый, хоть разъ побывавшій заграницей, сейчасъ-бы сказалъ, что это русскіе, ибо заграницей никто, кромѣ русскихъ, въ путешествіе съ пуховыми подушками не ѣздитъ. Что мужчина и дама русскіе, можно было догадаться и по барашковой скуфейкѣ на головѣ у мужчины, и наконецъ по металлическому эмалированному чайнику, стоявшему на приподнятомъ столикѣ у вагоннаго окна. Изъ подъ крышки и изъ носика чайника выходили легонькія струйки пара. Въ Буда-Пештѣ въ желѣзнодорожномъ буфетѣ они только что заварили въ чайникѣ себѣ чаю.

И въ самомъ дѣлѣ, мужчина и дама были русскіе. Это были наши старые знакомцы супруги Николай Ивановичъ и Глафіра Семеновна Ивановы, уже третій разъ выѣхавшіе за границу и на этотъ разъ направляющіеся въ Константинополь, давъ себѣ слово посѣтить попутно и сербскій Бѣлградъ, и болгарскую Софію.

Сначала супруги Ивановы молчали. Николай Ивановичъ ковырялъ у себя въ зубахъ перышкомъ и смотрѣлъ въ окно на разстилающіяся передъ нимъ, лишенные уже снѣга, тщательно вспаханные и разбороненныя, гладкія, какъ билліардъ, поля, съ начинающими уже зеленѣть полосами озимаго посѣва. Глафіра-же Семеновна вынула изъ сакъ-вояжа маленькую серебряную коробочку, открыла ее, взяла оттуда пудровку и пудрила свое раскраснѣвшееся

лицо, смотрясь въ зеркальце, вдѣланное въ крышечкѣ, и наконецъ произнесла:

— И зачѣмъ только ты меня этимъ венгерскимъ виномъ поилъ! Лицо такъ и пышетъ съ него.

— Нельзя-же, матушка, быть въ Венгріи и не выпить венгерскаго вина! отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—А то дома спросить кто-нибудь—пили-ли венгерское, когда черезъ цыганское царство проѣзжали?—и что мы отвѣтимъ! Я нарочно даже паприки этой самой поѣлъ съ клобсомъ. Клобсъ, клобсъ... Вотъ у насъ клобсъ—просто бифштекси съ луковымъ соусомъ и сметаной, а здѣсь клобсъ—зразу, рубленая зразу.

— Во-первыхъ, у насъ бифштексики съ лукомъ и картофельнымъ соусомъ называются не просто клобсъ, а шнель-клобсъ, возразила Глафира Семеновна.—А во-вторыхъ...

— Да будто это не все равно!

— Нѣтъ, не все равно... Шнель по нѣмецки значитъ—скоро, на скорую руку... А если клобсъ безъ шнеля...

— Ну, ужъ ты любишь спорить!—махнулъ рукой Николай Ивановичъ и сейчасъ-же перемѣнилъ разговоръ.—А все-таки, въ этомъ венгерскомъ царствѣ хорошо кормятъ. Смотри-ка, какъ хорошо насъ кормили на станціи Буда-Пештъ! И какой шикарный ресторанъ. Молодцы цыгане.

— Да будто тутъ все цыгане?—усумнилась Глафира Семеновна.

— Венгерцы—это цыгане. Ты вѣдь слышала, какъ

они разговариваютъ: кухар... гахачъ... кр... гр... тр... горломъ. Точь въ точь какъ наши халдеи по разнымъ загороднымъ вертепамъ. И глазищи у нихъ съ блюдечко, и лица черномазья.

— Врешь, врешь! По станціямъ мы много и бѣлокурыхъ видѣли.

— Такъ вѣдь и у насъ въ цыганскихъ хорахъ есть не черномазья цыганки. Вдругъ какая нибудь родится не въ мать, не въ отца, а въ проѣзжаго молодца, такъ что съ ней подѣлаешь! И наконецъ, мы только еще что въѣхали въ цыганское царство. Погоди, чѣмъ дальше, тѣмъ все черномазѣ будутъ,—авторитетно сказалъ Николай Ивановичъ, цошевелилъ губами и прибавилъ:—Однако, ротъ такъ и жжетъ съ этой паприки.

Глафира Семеновна покачала головой.

— И охота тебѣ ѣсть всякую дрянъ!—сказала она.

— Какая-же это дрянъ! Растеніе, овощъ... Не сидѣтъ-же повсюду, какъ ты, только на бульонѣ, да на бифштексѣ. Я поѣхалъ путешествовать, образованіе себѣ сдѣлать, чтобы не быть дикимъ человѣкомъ и все знать. Нарочно въ незнакомыя государства и ѣдемъ, чтобы со всѣми ихними статьями ознакомиться. Теперь мы въ Венгріи и—что есть венгерскаго, то и подавай.

— Однако, фишзупе потребовалъ въ буфетѣ, а самъ не ѣлъ.

— А все-таки попробовалъ. Попробовалъ и знаю, что ихній фишзупе—дрянь. Фишзупе—рыбный супъ.

Я и думалъ, что это что-нибудь вродѣ нашей ухи или селянки, потому у венгерцевъ большая рѣка Дунай подъ бокомъ, такъ думалъ, что и рыбы всякой много, анъ выходитъ совсѣмъ напротивъ. По моему, этотъ супъ изъ сельдяныхъ головъ, а то такъ изъ рыбьихъ головъ и хвостовъ. У меня въ тарелкѣ какія-то жабы плавали. Солоно, перечно... кисло... вспоминалъ Николай Ивановичъ, поморщился и, доставъ изъ угла на диванѣ стаканъ, сталъ наливать себѣ въ него изъ чайника чаю.

— Бр... издала звукъ губами Глафира Семеновна, судорожно повела плечами и прибавила:—Погоди... накормятъ тебя еще какимъ-нибудь крокодилломъ, ежели будешь спрашивать разные незнакомыя блюда.

— Ну, и что-жъ?...Очень радъ буду. По крайности, въ Петербургѣ всѣмъ буду рассказывать, что крокодила ѣлъ. И всѣ будутъ знать, что я такой образованный человѣкъ безъ предразсудковъ, что даже до кродила въ ѣдѣ дошелъ.

— Фи! Замолчи! Замолчи, пожалуйста! замахала руками Глафира Семеновна.—Не могу я даже слушать... Претить...

— Черепаху-же въ Марсели ѣлъ, когда третьяго года изъ Парижа въ Ниццу ѣздили. Лягушку подъ бѣлымъ соусомъ въ Санъ-Ремо ѣлъ. При тебѣ-же ѣлъ.

— Брось, тебѣ говорятъ!

— Ракушку въ Венеціи проглотилъ изъ розовой раковинки, хвастался Николай Ивановичъ.

— Если ты не замолчишь, я уйду въ уборную

и тамъ буду сидѣть! Не могу я слышать такія мерзости.

Николай Ивановичъ умолкъ и прихлебывалъ чай изъ стакана. Глафира Семеновна продолжала:

— И наконецъ, если ты ѣлъ такую гадость, то потому что былъ всякій разъ пьянъ, а будь ты трезвъ, ни за что-бы тебя на это не хватило.

— Въ Венеціи-то я былъ пьянъ? воскликнулъ Николай Ивановичъ и поперхнулся чаемъ.—Въ Санъ-Ремо—да... Когда я въ Санъ-Ремо лягушку ѣлъ—я былъ пьянъ. А въ Венеціи...

Глафира Семеновна вскочила съ дивана.

— Николай Ивановичъ, я ухожу въ уборную! Если ты еще разъ упомянешь про эту гадость, я ухожу. Ты очень хорошо знаешь, что я про нее слышать не могу!

— Ну, молчу, молчу. Садись, сказалъ Николай Ивановичъ, поставилъ пустой стаканъ на столикъ и сталъ закуривать папирску.

— Брр... еще разъ содрогнулась плечами Глафира Семеновна, сѣла, взяла апельсинъ и стала очищать его отъ кожи.—Хоть апельсиномъ заѣсть, что-ли, прибавила она и продолжала:—И я тебѣ больше скажу. Ты вотъ упрекаешь меня, что я за границей, въ ресторанахъ ничего не ѣмъ, кромѣ бульона и биѣштекса... А когда мы къ туркамъ приѣдемъ, то я и биѣштекса съ бульономъ ѣсть не буду.

— То есть какъ это? Отчего? удивился Николай Ивановичъ.

— Очень просто. Отъ того, что турки магометане, лошадей ѣдятъ и могутъ мнѣ бифштексъ изъ лошадинаго мяса изжарить, да и бульонъ у нихъ можетъ быть изъ лошадиатины.

— Фю-фю! Вотъ тебѣ и здравствуй! Такъ чѣмъ же ты будешь въ турецкой землѣ питаться? Вѣдь ужъ у турокъ ветчины не найдешь. Она имъ прямо по ихъ вѣрѣ запрещена.

— Вегетаріанкой сдѣлаюсь. Буду ѣсть макароны, овощи—горошекъ, бобы, картофель. Хлѣбомъ съ чаемъ буду питаться.

— Да что ты, матушка! проговорилъ Николай Ивановичъ.—Вѣдь мы въ Константинополѣ остановимся въ какой-нибудь европейской гостинницѣ. Петръ Петровичъ былъ въ Константинополѣ и рассказывалъ, что тамъ есть отличныя гостинницы, которыя французы держатъ.

— Гостинницы-то можетъ быть и держать французы, да повара-то турки... Нѣтъ, нѣтъ, я ужъ это такъ рѣшила.

— Да неужели ты лошадинаго мяса отъ бычьяго не отличишь!

— Однако, вѣдь его все-таки надо въ ротъ взять, пожевать... Тѣфу! Нѣтъ, нѣтъ, это ужъ я такъ рѣшила и ты меня отъ этого не отговоришь, твердо сказала Глафира Семеновна.

— Ну, путешественница! Да изволь, я за тебя буду пробовать мясо, предложилъ Николай Ивановичъ.

— Ты? Да ты нарочно стараешься меня на-
Въ гостяхъ у турокъ.

кормить лошадиной. Я тебя знаю. Ты озорникъ.

— Вотъ невѣроятная-то женщина! Чѣмъ-же это я доказалъ, что я озорникъ?

— Молчи, пожалуйста. Я тебя знаю вдоль и поперекъ.

Николай Ивановичъ развелъ руками и обидчиво поклонился женѣ.

— Изучены насквозь. Помню я, какъ вы въ Неаполѣ радовались, когда я за табльдотомъ съѣла по ошибкѣ муть—этихъ проклятыхъ улитокъ, принявъ ихъ за сморчки, кивнула ему жена.—Вы должны помнить, что со мной тогда было. Однако, сниму-ка я съ себя корсетъ да прилягу, прибавила она.—Кондуктору данъ гульденъ въ Вѣнѣ, чтобы никого къ намъ не пускалъ въ купэ, стало быть нечего мнѣ на вытяжкѣ-то быть.

— Да конечно-женими этотъ свой хомутъ и всѣ подпруги, поддакнулъ Николай Ивановичъ.— Не передъ вѣмъ здѣсь кокетничать.

— Да вѣдь все думается, что не ворвался-бы кто-нибудь.

— Нѣтъ, нѣтъ. Ужъ ежели взялъ гульденъ, то никого не впускать. И наконецъ, до сихъ-же поръ онъ держалъ свое слово и никого не пустилъ къ намъ.

Глафира Семеновна разстегнула лифъ и сняла съ себя корсетъ, положивъ его подъ подушку. Но только что она улеглась на диванѣ, какъ дверь изъ корридора отворилась и показался въ купэ кондукторъ со щипцами.

— Ich habe die Ehre... произнесъ онъ привѣтствіе.—Ihre Fahrkarten, mein Herr...

Николай Ивановичъ взглянулъ на него и проговорилъ:

— Глаша! Да вѣдь кондукторъ-то новый! Не тотъ ужъ кондукторъ.

— Нови, нови... улыбнулся кондукторъ, простригая билеты.

— Говорите по русски? радостно спросилъ его Николай Ивановичъ.

— Мало, господине.

— Братъ славянинъ?

— Славяне, господине, поклонился кондукторъ и проговорилъ по нѣмецки:—Можетъ быть русскіе господа хотятъ, чтобы они одни были въ купѣ?

Въ поясненіе своихъ словъ онъ показалъ супругамъ свои два пальца.

— Да, да... кивнулъ ему Николай Ивановичъ.— Ихъ гебе... Глаша! Придется и этому дать, а то онъ пассажировъ въ наше купѣ напуститъ. Тотъ кондукторъ, подлецъ, въ Буда-Пештѣ остался.

— Конечно-же, дай... Намъ почъ почевать въ вагонѣ, слышалось отъ Глафиры Семеновны.—Но не давай сейчасъ, а потомъ, иначе и этотъ спрыгнетъ на какой-нибудь станціи и придется третьему давать.

— Я дамъ гульденъ!.. Ихъ гебе гульденъ, но потомъ... сказалъ Николай Ивановичъ.

— Нахеръ... Нахеръ.... прибавила Глафира Семеновна.

Кондукторъ, очевидно, не вѣрилъ, бормоталъ что-то по нѣмецки, по славянски, улыбался и держалъ руку пригоршней.

— Не вѣрить. Ахъ, братъ-славянинъ! За кого-же ты насъ считаешь! А мы васъ еще освобождали! Ну, ладно, ладно. Вотъ тебѣ полъ-гульдена. А остальные потомъ, въ Бѣлградѣ... Мы въ Бѣлградѣ теперь ѣдемъ, говорилъ ему Николай Ивановичъ, досталъ изъ кошелька мелочь и подалъ ему.

Кондукторъ подбросилъ на ладонѣ мелочь и развелъ руками.

— Мало, господине... Молимъ една гульденъ, произнесъ онъ.

— Да дай ты ему гульденъ! Пусть провалится. Должны-же мы на ночь покой себѣ имѣть! крикнула Глафира Семеновна мужу.

Николай Ивановичъ сгребъ съ ладони кондуктора мелочь, подалъ ему гульденъ и сказалъ:

— На, подавись братушка...

Кондукторъ поклонился и, запирая дверь въ купѣ, проговорилъ:

— Съ Богомъ, господине.
